

Прошло три месяца.

В тот день шел суд, который вызвал по всей стране сильное волнение.

Виновница, очень молодая женщина, была обвинена в том, что она утопила свою новорожденную дочь, чтобы избавиться от последствий своей ошибки.

Как только двери открылись, в зал заседаний ворвалась чрезмерно возбужденная публика, в которой преобладали женщины.

Прекрасные дамы комментировали ужасный поступок падшей матери и не собирались ещё щадить, во чтобы то ни стало.

Анну Вердье отвели на скамью подсудимых. Она стояла там, опустив голову вниз, не обращая внимания на то, что происходило вокруг. Только после того, как председатель суда задал несколько вопросов, она подняла голову, открывая своё бледное и растерянное лицо.

Ее глаза полные слез тревожно смотрели на судей, но губы упрямо молчали.

В ходе предыдущих допросов она довольствовалась только тем, что отвечала одними и теми же двумя словами:

— Я невиновна!

В последующих показаниях должны были быть заслушаны новые свидетели. Затем последует решение суда и, возможно, вынесение приговора.

Вскоре была вызвана Тереза Вердье, мать обвиняемой. Она впервые поднялась с постели, на которой провела три месяца страдая от очень тяжелой болезни. Испуганная системой правосудия, она заняла место, предназначенное для свидетелей, повторила ритуальную формулу клятвы и сказала сквозь рыдания:

— Моя дочь не могла совершить это ужасное преступление... она всегда была добрым и послушным созданием с великодушным сердцем. Если здесь и есть кто виновен, то это я, ее мать, которая не смогла помешать моему бедному мужу выгнать ее из дома, тем самым доведя ее до отчаяния... Она такая молодая и такая наивная!.. Он даже не знает, что такое зло...

Иронические улыбки, сопровождали это откровенное заявление, и судья отпустил несчастную женщину.

Потом настала очередь главных свидетелей, начиная с цыганки Марии.

Она появилась одетая в свою рваную одежду; седые пряди волос, спадали на её птичьи глаза. Все присутствующие замолчали, завороженные ее зловещим видом.

Приглашенная рассказала все, что она знала о печальном происшествии, ведьма дала клятву и начала хриплым голосом:

— Я долго ходила и просила милостыню. Усталая, я присела за кустами у реки. Так что я смогла присутствовать на месте, не будучи замеченным... Прибежала Ана Вердье. На руках она несла новорожденного младенца, завернутого в розовое одеяло.

Она подошла к краю крутого берега в Дрилле. Она огляделась, чтобы посмотреть, не

наблюдает ли кто за ней, затем холодно, без колебаний бросила ребенка в реку и смотрела на него, пока он не исчез. Затем она снова огляделась по сторонам. И когда она увидела двух мужчин, выходящих из леса, она закричала и бросилась в воду, рассчитывая немедленно спастись.

Среди публики поднялся ропот возмущения.

Судья задал ведьме два или три уточняющих вопроса, на которые она ответила четко и спокойно.

Анна напрасно задавалась вопросом, почему так много ненависти и зла в этой гнусной женщине, которой она никогда не причинила ни малейшего вреда и чьи слова были для нее страшным обвинением.

Наконец, для дачи показаний был вызван Граф Алэн де Диамбур, единственный свидетель защиты. Это был молодой охотник с великодушным сердцем, открытым и искренним лицом, аристократической наружности, который бросился в воду, чтобы спасти Анну.

Он окинул обвиняемую взглядом, полным сострадания, внятным голосом принес клятву и заявил:

— Когда я услышал отчаянный крик женщины, я был еще далеко от берега. Мой шофер, который сопровождал меня, также может подтвердить мои слова. Поэтому мне кажется совершенно невероятным, что эта девушка увидела нас, прежде чем броситься в реку. Я бросился к берегу, прыгнул в воду и с помощью моего верного слуги сумел вытащить ее, утопающую, на берег.

— Я отвел ее к своей машине, которая стояла неподалеку, и оказал ей первую помощь. Как только она открыла глаза, она спросила меня голосом, полным отчаяния, где маленькая девочка, которую она оставила на берегу, в безопасном месте.

Джентльмен энергично настаивал:

— Я хотел бы обратить внимание господина судью и присяжных заседателей на то, что единственным свидетельницей стороны обвинения является обычная нищенка, которая живет за счет воровства и попрошайничества. Я глубоко убежден, что обвиняемая, отнюдь не виновная, а является жертвой трагических обстоятельств.

— Вас вызвали в качестве свидетеля, а не для того, чтобы давать советы, — сухо сказал председатель.

Граф Диамбур удалился с тяжестью на душе, а Анна смотрела на него с чувством благодарности. Он был единственным, кто верил в ее невиновность. Даже её мать, казалось, колебалась при этой мысли, и сердце девушки болезненно сжалось.

— Анна Вердье, у вас есть что сказать по поводу этих заявлений?

— Господин, судья, — дрожащим голосом ответила обвиняемая, — я невиновна в этом гнусном преступлении, в котором не знаю, почему меня обвиняют. Я с радостью отдала бы свою жизнь, чтобы знать, что бедное создание, которого они не нашли, в целости и сохранности... люди, вероятно, откажутся поверить мне, но Бог, который видит меня и судит меня, придаст мне сил нести этот крест. Я не хочу больше ничего говорить. Священная клятва запечатывает мои уста, и я не желаю ничего, кроме одного: умереть!

Несчастливая женщина снова села, больше не произнося и слова. Председатель с изумлением посмотрел на обвиняемую, которая держалась с видом мученицы, и повернулся к адвокату, назначенному для ее защиты.

— Слово за защитой.

Жераро Ланкри, человек с великодушным сердцем, молодой и полный энтузиазма, согласился быть адвокатом в этом трудном деле, несмотря на то, что за его вмешательство не получит и цента.

Он встал; его умное лицо, живой и прямой взгляд и убедительный голос сразу же вызвали всеобщее внимание.

— В этом странном процессе, — начал он, — было много намеков. Но можно ли осуждать девушку, которой всего восемнадцать лет, только на основании показаний? Есть только один обвинитель. Но кто она такая? Нищая, гадалка, ведьма, чьи умственные способности кажутся не очень ясными. Что же она на самом деле видела? Где тело ребенка, которого, по ее словам, утопила моя подзащитная? За три месяца, несмотря на проведенные обыски, его так и не нашли? Может ли быть розовое шерстяное одеяло — неопровержимым доказательством?

Но оно могло случайно упасть в воду.

Что же касается упрямого молчания Анны Вердье, то оно не может служить доказательством, так как обвиняемая не перестает настаивать на своей невинности и уверяет нас, что в остальном она связана священной клятвой.

— Посмотрите на эту девушку. Обратите внимание на ее чистые глаза, на трогательное и искреннее выражение ее лица, на благородную осанку, даже в ее смирении и покорности... более того, господа присяжные, не считаете ли вы, как и я, что Анна Вердье, больше похожа на худого подростка, а не на женщину-мать?

Адвокат сделал паузу, чтобы дать слушателям время переварить его аргументы.

Он увидел, что присутствующие взволнованно, затаили дыхание, словно ожидая, что он скажет дальше.

— Господин судья, господа присяжные заседатели — продолжал он настойчивым, — я прошу отложить судебное разбирательство и в то же время создать комиссию врачей, которые, я уверен, дадут показания о правдивости слова моей подзащитной.

В зале поднялся ошеломленный ропот, когда присяжные, не в силах скрыть своего удивления, ясно выразили свое одобрение.

Но вдруг на скамье подсудимых Анна Вердье встала и возмущенно запротестовала:

— Нет! Я категорически отказываюсь терпеть такое унижение! Я никогда не соглашусь на подобное.

Возбуждение достигло своего пика.

Не без большой настойчивости колокольчика председателя, удалось установить относительное спокойствие.

Адвокат с сочувствием посмотрел на свою несчастную клиентку, которая от отчаяния заламывала руки.

— Анна Вердье, — ласково сказал он, — я понимаю ваши чувства. Однако я хочу спасти вашу жизнь и вашу честь, доказав вашу невиновность, даже если эта процедура оскорбительна для вас.

Он повернулся к судьям, а затем к присяжным в каком-то порыве.:

— Во имя справедливости, я настаиваю на своей просьбе. Если мне откажут в этом праве, я обращусь к нашему князю, и я знаю, что он выслушает меня.

— Когда доказательства, о которых я прошу, будут представлены, все обвинения против моей подзащитной рухнут, как картонный домик. Потому что, если обвиняемой не приходилось скрывать свою вину, зачем ей заставлять исчезать неврождённого ребенка, который даже ей не принадлежал? Я знаю, что Анна Вердье чиста и невинна и что она скованная клятвой к страшной тайне. Секрет принадлежит ей, но вы, господа присяжные, имеете право вершить правосудие.

Речь защиты была встречена громким ропотом. Председатель встал и объявил, что суд собирается удалиться, чтобы обсудить предложение адвоката. Ропот присутствующих перешел в гомон. Можно было услышать множество комментариев, но всё сводилось к одному — была ли Анна Вердье невинной преследуемой или умелой симулянтшей?

Бедняжка ничего не хотела видеть и слышать. Она лежала на скамье и рыдала от отчаяния. Не слишком ли она страдала? Неужели ей суждено испытать это величайшее унижение?

Суд и присяжные вернулись почти сразу же. В глубокой тишине, последовавшей за их появлением, послышался серьезный и твердый голос президента:

— Несмотря на то, что ходатайство защиты является немного особым, суд решил принять его во внимание, полагая, что таким образом обвиняемой предоставляется безошибочное средство доказать свою невиновность. Соответственно, она будет назначена...

Анна прервала председателя. Она была в ужасе.

— Нет, нет, — закричала она, — вы не имеете права! Я предпочитаю любые мучения этому унижению. Господин судья, я прошу вас не подвергайте меня такому оскорблению.

— Ну же, — ласково сказал судья, — разве вы не понимаете, что это ваше единственное средство к спасению? Либо вы соглашаетесь на это, если нет, всё что вам остаётся, так это признать вину.

— Мне не в чем признаваться, и я категорически отказываюсь принять такое предложение. Никакая человеческая сила меня не убедит.

— Не говорите, глупости! — Грубо перебил её Жерар Ланкри. — Разве вы не видите, что такое упрямство, лишь подтверждает вашу вину? Вы хотите сойти за детоубийцу и быть приговоренной к позорному наказанию? Пожалуйста, Анна Вердье, суд признает вас невиновной и принесет свои извинения.

Тяжелое молчание последовало за этим яростным замечанием

Все с тревогой ждали реакции обвиняемой

— Последний раз, говорю я вам, — спокойно заявила Анна, — я отказываюсь от этого покушения на мою честь. И я прошу вас больше не мучить меня. Я вовсе не боюсь смерти, а считаю ее освобождением.

— Мой адвокат сделал невозможное, чтобы спасти меня, и я искренне благодарна ему. Но отныне все бесполезно, моя жизнь разрушена. Я потеряла всех, кого любила, даже бедное существо, которого хотела защитить... Я обожала своего отца, а он умер из-за меня, проклиная меня... Этим же ударом я смертельно ранила сердце моей матери, которое никогда больше не исцелится... у меня был парень, которому я собиралась посвятить свою жизнь, и он бросил меня...

В глазах всех я всего лишь бесчестная женщина... хуже того, преступница. Зачем мне дальше жить? Какое счастье ждет меня? Для меня все кончено, как будто я заперта в гробнице.

Но Жерар Ланкри не считал себя побежденным. Он поклялся избавить свою подзащитную от смертельного приговора.

— Обвиняемая, — сказала она жалобным голосом, — все еще находится в шоке, вызванного чередой несчастных событий. Поэтому я повторяю свое предыдущее предложение и прошу об отсрочке.

— Отсрочка разрешена, — заявил судья. — Анна Вердье, суд дает вам три дня, чтобы подумать и изменить свое отношение. Помните, что предъявленное вам обвинение — убийство и что за этот факт вы подлежите смертной казни. Но закон, прежде чем осудить вас, хочет предложить вам последнее средство оправдания.

Председатель встал, и за ним последовали остальные судьи.

— Слушание приостановлено и переносится на следующий четверг, — объявил он.

Комментируя решение суда, толпа потихоньку покидала зал.

Охранник тронул Анну за плечо.

Девушка вздрогнула и посмотрела на мужчину, на мужчину растерянными глазами, но она покорно поднялась и, напряженно глядя в пустоту, она вышла из зала суда сопровождаемая двумя охранниками.

Жерар Ланкри, шагнул к ней, но она прошла мимо, даже не обращая внимание на его присутствие.

— Бедное дитя! — пробормотал адвокат. — Что это за ужасная тайна, которая заставляет вас предпочесть смерть, откровению истины? Смогу ли я когда-нибудь это узнать?

<http://tl.rulate.ru/book/48926/1498632>